

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОГО В
СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Выпускная квалификационная работа по направлению 030100
основная образовательная программа Философия

Исполнитель:
Королев Андрей Андреевич

Научный руководитель:
Доктор философских наук, профессор
Пигров Константин Семенович

Рецензент:
Доктор философских наук, профессор
Соколов Алексей Михайлович

Санкт-Петербург
2017

<u>Введение</u>	3
<i>Актуальность исследования</i>	3
<i>Методология исследования</i>	3
<i>Цели и общие положения</i>	4
<u>Глава I. Государство в системе международных отношений</u>	6
<u>§1. Процессуальность глобальных отношений</u>	6
<u>§2. Государственный суверенитет и государственные границы в системе международных отношений.</u>	10
<i>“Политическая глобализация” и современный статус государственного суверенитета</i>	10
<i>Современный статус государственной границы</i>	12
<i>Прикладная позиция</i>	15
<i>Понятие границы</i>	16
<u>Глава II. Межгосударственные взаимодействия и их влияние на суверенитет</u>	20
<u>§1. Запад и Не-запад. Универсалистские тенденции и их влияние на государственный суверенитет</u>	20
<u>§2. “Первобытность” международных отношений</u>	25
<u>Глава III. Политические отношения равных суверенов</u>	28
<u>§1. Деклассификация. Консенсус. Полицейство</u>	28
<i>Позиция национального государства</i>	30
<u>§2. Политика как устранение политического в виде ухода от идеологичности политического дискурса</u>	31
<i>Программы вместо идей. Положение современного государственного политического символизма</i>	32
<i>Цивилизация как основание политической репрезентации и решающий фактор интеграции и отождествления.</i>	34
<u>§3. Функциональное в современном государстве</u>	35
<i>Разделение политической теории и философии политики как функционального и теоретического</i>	38
<u>§4. Автономное политическое</u>	40
<i>Политическое как нечто языковое</i>	42
<u>Заключение</u>	44
<u>Список литературы</u>	46

Введение

Актуальность исследования

Начало XXI в. словно резюмирует глубокие трансформации, казалось бы, традиционных и фундаментальных принципов мироустройства. Вышедшее из двуполярного мира человечество, замороженное в период “Холодной войны”, ввергается в эру глобальной сетевой связанности; непрестанно спешащих технологий, диджитализации реальности (интернет вещей, виртуальная реальность, дополненная реальность, big data и пр.), на фоне возрождения религии и её радикализации; точечных локальных военных операций, в контексте возможности тотального ядерного уничтожения всего человечества. Сложный мир заново открывается человечеству, осознающему свою неизбежную глобальную целостность и взаимосвязанность. Также характерным атрибутом современности становится окончательное проникновение и укоренение принципов рынка в сферы культуры, политики, общественных и межличностных отношений.

С учётом написанных выше пунктов, а также многих не обозначенных факторов, представляется актуальным определение и анализ состояния и положения современного суверенного государства как политической единицы в сфере международных отношений, а также определение места и функций политического, как самостоятельного явления и процесса реальности, для миросистемы, государства, общества и личности.

Методология исследования

В процессе работы был произведен анализ соответствующих представителей отечественной и зарубежной политологической и философской мысли, политических деятелей.

Также был произведён анализ ряда социологических исследований по средствам системы SPSS. Основными источниками стали WVS-2005¹, а

¹ *World Values Survey (Мировое исследование ценностей). 2005.*

также ESS-2004². По ряду регионов были рассмотрены переменные (вопросы) касающиеся следующих тем: «*что представляется нужным вашей стране?*» (демократическая система / милитаризованная государственность / экспертное правительство / сильный государственный лидер); «*насколько вы доверяете крупным компаниям? / правительству? / государству?*» (оценка в баллах от 0 до 10); «*участвовали ли Вы в голосовании на последних выборах?*» (да / нет); «*кто несёт ответственность за благосостояние людей?*» (государство / сами граждане); «*какова важность демократического устройства для вашей страны?*» (оценка в баллах от 0 до 10).

Цели и общие положения

Функциональность государства, в данной работе, рассматривается не с позиции “институциональной дисфункции”, опровержение которой стоит одной из целей данной работы, а с позиции, скажем, функционального эволюционизма, суть которого в постоянном движении и приспособлении функционала государства (или другой сложной системы отношений) соответственно актуальной наличной ситуации, с её запросами, требованиями, возможностями и лимитами, операционными принципами и ценностными нормами. Корневым мнением работы представляется то, что система межгосударственных отношений почти окончательно становится обезличенно функционально обуславливаемой, миром специалистов-международников, государственных менеджеров и прочих «*civil servants*». Утилитаризацией политического дискурса на международном уровне, то в виде откровенно рыночных расчетов, то в виде “прагматичного партнерства”, по мнению автора, осуществляется истинно политическая рационализация политического. (Рансьер Ж., Хабермас Ю.)

Функциональная унификация, с производной от неё процессуальной бесконфликтностью отношений, является необходимым, но недостаточным фактором в анализе межгосударственных контактов. Одним из главных факторов и источников несогласности мирового

² *European Social Survey* (Европейское социальное исследование). 2004.

сообщества всё чаще выступает цивилизационное разнообразие, с производными от него частыми фундаментально-ценностными конфликтами. В то же время, цивилизационная принадлежность видится одним из самых первостепенных и главных факторов в идентификации на межгосударственном уровне, в контексте функциональной деклассификации и глобальности межгосударственных отношений. В частности, рассматривается тенденциозное явление противления западным ценностям и западнцентристскому пониманию мира, усиливающееся пропорционально усилению западно-ориентированной унификации глобального сообщества. Производится попытка различения функционально-модернизационной составляющей глобализации и её ценностной экспансии. А также выводится предположение о том, что цивилизационная принадлежность становясь всё более значимым фактором самоидентификации, соответственно становится и ключевым принципом самоидентификации народа и его репрезентативного посыла. (Хантингтон С., Шмитт К.)

Также важным моментом работы является рассмотрение государственного суверенитета в контексте современных коммуникационных технологий, глобализации и как никогда прежде повышенной степени трансграничной связанности на личном, общественном и государственном уровне. Отдельно рассматривается феномен границы, её символическая и функциональная составляющие.

Частично рассмотрено соотношение политической философии и политической науки, как показателя направленности современного политического дискурса.

Глава I. Государство в системе международных отношений

§1. Процессуальность глобальных отношений

Целеполагание и избранные методы государства уже довольно долгое время, даже в общеисторическом масштабе, если и не были подчинены и подконтрольны, то, как минимум, ограничены системой международных отношений (далее – МО). Однако в последнее время, МО местами могут представлять из себя уже отнюдь не сплошь горизонтальную систему отношений, даже и с возникающими время от времени, так скажем, то диполярными, то многополярными “выпуклостями”. Уже некоторое время наблюдается сформированная иерархичность МО, а значит, что от представителей высших ступеней этой иерархии могут быть направлены в той или иной степени императивные изъятия, нормы, правила по отношению к представителям ступеней, что ниже, хотя они и могут быть с разными степенями обязательности, ответственности, и могут быть по-разному санкционируемы.

Традицией в регламентации и регулировании глобальных отношений являются межгосударственные договоры и соглашения, заключаемые на добровольных (взаимовыгодных) основаниях (либо же надиктовываемые победителем пораженному, что немного другого рода случай). В последнее же время можно выводить и напрямую наблюдать существование и применение в действии норм, источник которых зиждется отнюдь не на единичных (уникальных), пусть и комплексных, соглашениях, а на основании уже сформированных полномерно и, что для нас важнее, полноправно функционирующих надгосударственных институтов. Так, можно несколько очевиднее представить ту зависимость или, вернее, историческую и функциональную связь между усложнением МО, их своего рода расцветом, раскрытием насыщенности возможностей, проблем и сложностей, со всеми прежде неявными переплетениями, витиеватостями, и возникновением, становлением надгосударственных институтов, служащих, очевидно, механизмами, созданными для создания, анализа и переработки тех самых единичных соглашений,

только на уже постоянной основе. То есть можно говорить о том, что если прежде под юрисдикцию самого широкого и общего национального права попадало лишь всё внутригосударственное, а то, что свершалось на межгосударственном уровне разве что регламентировалось историей, и лишь под её суд-то и попадало, то теперь мы имеем куда более непосредственное, функциональное воздействие на межгосударственные отношения, и, более того, мы имеем регламентированную оценочную систему. Важно разуть то, что данная, пока ещё издаека рассмотренная, система организации МО характеризуется некоторой новизной. Более или менее внятные, и хотя бы как-то научно обособленные и выделенные в самостоятельную сферу знания, наблюдения межгосударственных отношений (осознание необходимости их регламентации) начали производиться лишь к XVII веку. Примечательно, что до сей поры так и не выделено совершенно особой ниши в научной среде для международного права. К слову, отчасти уместно заметить, что если бы не известные печальные события и катаклизмы XX века, неизвестно, в каком положении (именно в отношении обсуждаемости и осознания актуальности необходимости непосредственного принятия мер и т.п.) находилось бы сегодняшнее международное право, его регламентация и нормализация (хотя бы даже на прикладном уровне), не говоря уже о его научной обоснованности и профессиональной аналитике.

Тем не менее, не смотря на то, что анализ современного международного права, которое всё больше начинает представляться именно глобальным правом, является важным для определения сущности и границ политического в современном государстве, мы не можем уводить наши рассуждения по этому пути, пути правовой историографии и её аналитики, поскольку вернее будет пойти, скорее, по пути философии права и его истории, именно в том смысле, что *“соединение юридических и политических дисциплин обусловлено, в конечном счете, юридической трактовкой политики”*³. Это соединение обосновано и с

³ *Нересянца В.А.* История политических и правовых учений. 2-ое изд. М. Проспект. 2004. С. 2

обратной стороны, политическая история сама по себе не разворачивается дальше фактологичной ретроспективной аналитики, простого рассмотрения истории политических учений, если не берёт в своё основание правовой принцип государства и политики, а значит, и упускает сущностные основания государства и политики, которые есть именно юридически обусловленные и обоснованные явления. Таким образом, юридическая суть государства – это его принципиальная суть.

Признание наличия некоторой аксиоматики в сфере ещё не вполне сложенного международного права (а также и в сфере международной дипломатии), на основе Вестфальской системы, допускает предполагать именно функциональную обусловленность и природу принципов регулирования МО. Тот отказ от исторически обусловленной линейной монополии на “правоту” государств и от, опять же, исторически обуславливаемой деятельности в актуальной действительности, был следствием осознания необходимости решения актуальных и наличных проблем актуальными и наличными средствами, как бы очевидно это ни звучало. Приобретенная возможность к формированию гибкой внешней политики, выбору сторонников не по конфессиональным приметам, а по функциональным факторам, безусловно, дали рост корню тех представлений о принципах МО, которые мы имеем и сегодня. Однако, феерия дисбалансов сил на мировой арене, в период XX века, определили движение МО в несколько более радикальном характере, в сравнении с прежде постепенной интеграцией надгосударственного в государственное. Прежде имевшие высшую юрисдикцию межгосударственные договоры перешли, как минимум, на ступень иерархии МО ниже, с поры признания правового приоритета ООН над любыми другими международными договорами.

Безусловной очевидностью разумеется важность факта признания абсолютного суверенитета государств на своей территории, но несколько упускается тот факт, что признание суверенного государства в качестве ключевого элемента системы МО, по крайней мере для нашего исследования, представляет значимость куда большую (если не исключать у этого наблюдения некоторую долю новаторства). Однако,

если традиционно суверенитет одного государства был тем, что, скажем, нельзя нарушать другим, то с недавней поры это уже то, что другим нужно защищать, при том с интересными из этого вытекающими.

В 2005 году была установлена новая норма международного права, с бытующим в профессиональной среде названием “R2P” (The responsibility to protect), *обязанность защищать*. Суверенитет отдельного государства своего рода эволюционирует из санкционируемой привелегии в обязанность, за которую несётся ответственность, при том не только данным государством. Когда данное государство не способно в силу каких-либо причин осуществлять свой суверенитет, под чем подразумевается, как минимум, не способность к осуществлению обеспечения базовой жизнедеятельности граждан, обязательная ответственность перенимается международным сообществом. То есть возникает ситуация, когда суверенитет доведен до такой степени, что его сохранение должно быть обеспечено даже путем его нарушения, посредством иностранной интервенции. Стоит отметить, что данная установка, прежде чем возникнуть регламентировано, не единожды была осуществлена на практике, достаточно упомянуть события обозначенные, как *illegal but legitimate*. Так, ad hoc сохранения суверенитета осуществляет на него же нападение, с определенной точки зрения, постепенно растворяет его в воздухе, словно фантом, если что и сохраняя, то, опять же, с определенной стороны, лишь традицию восприятия и глобальную привычку.

§2. Государственный суверенитет и государственные границы в системе международных отношений.

“Политическая глобализация” и современный статус государственного суверенитета

Пост-военный период, знаменовавшийся, в контексте национально-освободительных движений, пиком международной значимости и актуальности национального суверенитета, шумливости вокруг него, постепенно отходит всё дальше в прошлое. Нынешняя реальность характеризуется заметной эрозией суверенитета, государства и его границ. Ещё королевская власть, будучи в её абсолютистской форме рафинированным суверенным государством, выступала *“представительницей порядка в беспорядке”*⁴, однако сейчас политическая верховность власти суверенного государства стоит не совсем на вершине иерархии, и “беспорядок” постепенно обретает упорядоченность и оформленность, и даже некоторую системность и тенденциозность. При том, всё дальше отступая от своих изначально сугубо материальных оснований в виде границ, граждан, капиталов и собственности, существование суверенитета планомерно трансформируется в правовую и теоретическую абстракцию.

В 20-ых годах XX века В.М.Гессен писал: *“В настоящее время суверенитет является не материальным понятием силы. А чисто формальным понятием права <...> Прежде, из-за суверенитета воевали короли, теперь о нем спорят профессора. Прежде, для того, чтобы отстоять его не жалели крови, теперь для того, чтобы объяснить его, не жалеют чернил”*⁵. Постепенно притираясь и осваиваясь, международная система суверенных государств, что называется, медленно и верно приходила к принятию факта некоторой абстрактности привычных фундаментальных символических единиц, то есть границ, суверенитета и прочего. Сущностью же суверенитета открылась следующая за ним правосубъектность на международном уровне, в

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 411.

⁵ Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 56.

частности, проявлявшаяся в возможности быть участником международных отношений, регламентированных в виде международных договоров.

Договор, кстати, потому и служил альтернативой войне, что он хотя был бескровным, но всё же способам что-то взять, а что-то потерять, хотя оба эти пути всегда представляли собой часть одного целого, лишь разные его стороны, разные пути достижения одного и того же. То есть государства на регулярной основе имели подвижный, даже ликвидный суверенитет, суверенность границ и материальных богатств, что открывается нам через понимание постоянности уступок, нападений и переуступок то по одним, то по другим вопросам. И постепенно, как уже написано выше, частные договоренности сплетались в системы договоров, переходя к формату международного права уже не только как инструмента индексации и регуляции договоров, но и как полноценного мирового законодательства. Безусловно, сегодня особенно очевидна необходимость правового контроля, в том числе и через ограничение или нарушение суверенитета, как отдельно взятого государства, так и других субъектов международной деятельности, по многим направлениям. Таким образом, отчасти выстраданное, но в большей части выработанное международное право приводит к соответствию совокупности индивидуальных, закономерно “эгоистических” государственных волей, что обособливается известными глобальными проблемами.

Что касается *R2P*, то данный факт выступает демонстрацией общей тенденции, а не исключительного случая, однако тенденции, опять же, закономерной. Даже допуская, что данный принцип есть не больше, чем инструмент обеспечения известных империалистических интересов известных империалистических держав, то всё же нельзя отрицать факт того, что данная новаторская тенденция (или допущение?), а, соответственно, и вытекающая из неё практика уже оказали воздействие как на осознание места отдельного национального государства, так и на принципы самой системы МО в целом, раскрыли её новые процессуальные установки, возможности и допущения, которые, однако,

отчасти почти откровенно и недвусмысленно, служат интересам конкретных акторов на международной арене.

Однако данный случай и подобные ему, следующие, вроде бы, той же тенденции, не имеют достаточно веса для признания их реально наличными и при том ещё и достаточно значимыми процессами так называемой “политической глобализации”. Опять же, тенденциозность была явна присуща терминам вроде “размывание/стирание суверенитета/государственных границ”, особенно в контексте рассмотрения явления “глобализации”, в соответствующей научной среде, даже считалась признаком хорошего тона. И если глобальность международных отношений в экономической сфере проявилась в инновационной интеллигентности информационного капитала, который *“превратившись в электронный сигнал, оказался свободен от всех ограничений локального и государственного уровня <...> Это победа времени над пространством и, естественно, тех, кто контролирует время (капитал) над теми, кто контролирует пространство (государство)”*⁶, то положение и актуальность “политической глобализации” как всеобщей интеграции в единую систему (в формате учтливой унификации), тем не менее сомнительно, что особенно заметно с прошествием времени после пика данной научной тенденции. Факт того, что информационный капитал ни в коем случае не ограничен лишь экономической сферой, учитывается. Количественный и качественный рост потоков через суверенные государственные границы, однако, становится не больше, чем вызовом для современного государства и его аппарата, вызовом, на который, судя по всему, даётся более, чем достойный ответ. Но данный факт несколько не склоняет к мнению о затирании суверенных границ.

Современный статус государственной границы

Непоставленный вопрос всё же может получить, хоть и несколько метафорический, но всё же дельный ответ, в том же визуально-

⁶ *Фурсов А.И.* Корпорация-Государство // Доклад на заседании клуба “Красная площадь”. Интернет-ресурс. <http://www.intelros.ru/index.php?newsid-124>

предметном формате выражения. Ведь, как будет рассмотрено и показано далее, государственные границы, несмотря на допущение, во благо функциональному росту и выживанию, своих изменений как в сторону приумножения, так и в сторону уменьшения, остаются “на месте”. “Мода” на глобализационные мотивы подобна моменту, в сравнении с архаичностью и закоренелостью концепта государственных границ в сознание всех уровней, от глобально-общественного (архетип) до личного (да и, кстати говоря, концепция Родины, чья мощь проистекает из совокупности личных отношений, это концепция, в буквальном смысле, определенного места; определенного а значит, ограниченного). Символически неподвижные государственные границы не затерты, не потускнели, а, скорее, теряются из виду под слоями так регулярно накладываемых коммуникационных проводов. Оптоволоконные кабели наслаивая свою прозрачность мутят чёткость строгих линий. “Серьёзное дело” границы, например, для обывателя, недоступно, будучи покрыто слоями высокоскоростного и бесплатного развлечения. Однако, эти шнуры не рассекают государственной границы, они не прерывают её целостности. Не-взаимодействие этих перпендикулярных линий в обычной ситуации взаимовыгодно, но по факту это отношения осознанно допускаемого, если и не симбиоза, то безвредного паразитирования, с периодической необходимостью для провайдеров и пользователей “платить по счету”. Что по факту было реализовано в Китае, где *«так называемое “китайское чудо” явилось – и является по сей день – результатам жесточайшего и высокоэффективного контроля над всеми этими потоками (в частности именно Китай доказал, что тезис о невозможности контроля над Интернетом является не чем иным, как мифом)»*⁷.

Китайский пример также можно приложить и к другому аргументу. Ведь то “сведение волю” путем международного права, всё же, представляет собой неодностороннюю коммуникацию, как может показаться на первый взгляд. Об источниках международного права, в

⁷ Тынянова О.Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации // Век глобализации. 2010. С 89-105.

некоторой мере можно сказать то, что они представляют собой аналогию с внутригосударственными регламентами общественной жизни, которые в свою очередь идут от более глубоких, внутренних причин, от архетипов морали, физиологических и гносеологических особенностей и фундаментальных норм общественного поведения. Аналогичность в данному случае не подкрепляется прецедентностью в силу того факта, что сфера межгосударственных отношений анархична так же, как всегда анархичны и даже беспредельны были отношения между одной общностью и чуждой ей другой – как говорится, “на войне все средства хороши”. Поэтому, если, например, о “естественном праве” мы имеем основания говорить как о чём-то вытекающем, естественно-конструктивном, то в среде международных отношений естественностью являются те иррациональные принципы, от которых как раз и отводит нас международное право (среди которых “неправомерное” использование насилия и пр.). То есть надгосударственное законодательство сформировано и сотворено по инициативе, что представляет собой сознательную проектную, творческую деятельность по рационализации нормативности международного быта. К тому же, формирование международной нормы или системы норм всегда партикулярно – имеет своей целью решение конкретной проблемы (либо комплекса проблем) какой-либо группы государств или всего человечества; зачастую вообще происходит (видимо, по традиции) регламентацией постфактум, уже после прецедента, в качестве своеобразного наказа на будущее (что, кстати, открывает проблему сложности в проведении прогностических законодательных инициатив на международном уровне, одними из которых являются столь скептически воспринимаемые попытки регуляции экологической ситуации). Однако и имплементация международных норм в правовую систему конкретного государства всегда определяется прежде политической инициативой правительства, что не лишено фактора *жеста* и, опять же, демонстрации своей позиции. То есть международное право, во-первых, не настолько обязательно, как представляется (хотя его нарушение, безусловно, влечет за собой санкционирование и даже отторжение мировым сообществом, но не

всегда с необходимостью), а, во-вторых, оно не столь уж универсально, в
опять же, формулировка норм международного права может как раз таки
и быть одним из проявлений одной из упомянутых инициатив-воль.

И несмотря на то, что сегодня мир продолжает углубление в области
“*всемирной внутренней политики*”⁸, стоит не забывать известных
принципов социальной динамики обозначенных еще П.Сорокиным,
которые служат показателями двух направлений движений общества –
интеграция и *дифференциация*, которые не лишены и политического
вопроса, ведь интегрируя некую часть общества, организация
вычленяется, дифференцируется, делается частью, которая не может не
считаться, в том числе, и с факторами легитимного принуждения со
стороны, и формулировки и трансляции вовне оснований легитимности
своей особенной институциональности. Поэтому полноценное
институализированное надгосударственное образование стоит
сверхсложной задачей для нынешнего мирового сообщества (если и
вообще стоит). К тому же, распространение управленческой воли и
санкционирующего аппарата возможно только на ограниченной
замкнутой территории, к чему почти напрямую отсылает сам концепт
границы, как фрейма государства, по которому растекается
управленческая инициатива. Размыкание же таких “рамок” создаёт
совокупность, как минимум, дестабилизированных сложных систем, чей
инструментарий реализации трансграничных потоков перестаёт быть
чисто периферийным моментом, а прежней *центр* перестаёт быть
источником и реализатором суверенитета, как элементарной единицы
международных отношений.

Прикладная позиция

Примечательно, что реальные современные государственные
менеджеры и политические деятели, занимающиеся практической
реализацией на местах, в отличии от теоретиков, напротив, склонны к
мнению о том, что современное государство лишь показывает свою

⁸ Рормозер Г. 1996. Кризис либерализма / пер. с нем. М.: ИФ РАН. Интернет-ресурс: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/rormoz.html>

состоятельность, особенно в отношении своих так называемых конкурентов, иницирующих размывание суверенитета. *“Мировой экономический кризис опроверг довольно модные в конце прошлого века рассуждения о снижении роли национальных государств в глобальную эпоху. <...> Антикризисные программы, стабилизационные меры, социальная защита граждан осуществляются правительствами, осуществляются самими государствами и способствуют нормализации уже, в свою очередь, глобальной экономики”*⁹. Отрицание адекватности современным условиям государственного суверенитета, именно как фактора обособленности и разграниченности, не представляется сколько-либо актуальным.

Причины же различия в точках зрения непосредственно присутствующих специалистов и наблюдателей теоретиков, даже без учета сущностных и интенциональных различий данных сфер деятельности и мысли, в некоторой мере, так же относятся к проблеме границы, как, впрочем, и проблемы меры в том смысле, что в одном случае преодоление ограничений, и даже разрушение прежде незыблемых рамок, несёт в себе творческое открытие новых горизонтов, преодоление бренности чопорной верности уже изжившим, некогда традициям, а сейчас не более, чем суевериям; а в другом – это прагматичная расчетливость меры допустимого, учёт чисто функциональных отношений, в их системном контексте. По сути, можно выделить два разных вида границы, вида в смысле перспективы, то есть два разных взгляда.

Понятие границы

Первый взгляд открывает границу, как переход, как то, что существует и раскрывается только в преодолении. Такой взгляд на границу открывает нам область подвижных смыслов, гуманитарную область знания. Такая граница не чурается передела и движения, этому

⁹ *Медведев Д.А.* Выступление на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность». 14 сентября 2009. Ярославль. *Президент России. Выступления и стенограммы.* Интернет-ресурс: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5469>

взгляду так же может быть не чужд граничный нигилизм, как не чуждо и сведение области к точке, или апофатическое определение контента границы. Здесь и возможно слияние или спаивание граней прежде индивидуальных частей, приводящее к постфактумному “размыванию” уже чисто символической линии между. Само по себе сознание, своим базовым принципом имеет выделение и прорыв из неопределенного, именование и означение анонимного пребывания, постановку конкретного осознанного бытия. *Со-знание* этимологически предполагает целостность совокупности трансгранично коммуницирующих и связанных, но всё же разделенных, непосредственно не касающихся, не слитых, независимых субъектов деятельности. Сознание не противостоит ни внешней по отношению к нему реальности, ни бессознательному, сознание граничит с ними. Таким образом целостность и раскрывается в переходности и трансграничности разрозненных соседствующих совокупностей. Межсубъектные взаимодействия основаны на со-бытии, реализующемся через переход, который *“представляет собой границу, из которой всё исходит, к которой всё относится, которая сама, однако, становится неопределенным, не могущим быть показанным предметом”*¹⁰.

Однако, этому же взгляду не чужда категоричность и радикальность отсекания и разлиновки, с последующей догматизацией и абсолютизацией. И последнее как раз граничит с другим взглядом на границу – на границу, как меру, что представляет позитивное понимание перехода и границы. Здесь знание меры способствует неподвижности и оседлости, такое знание нейтрально и даже “холодно” по отношению к переходным поискам. Мера радикализируется в привязанности к месту, как некоторая прикованность и сдержанность. *«Знание и бытие, вопреки формуле Декарта, расходятся между собой. Знание делает человека ученым, но ничего не говорит о его культурной принадлежности. Оно как бы нейтрально по отношению к черте, отделяющей “мою культуру” от чужой»*¹¹. Так и знание меры универсально, оно безразлично к веяниям

¹⁰ Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. СПб., 2000. С. 148

¹¹ Межуев В.М. Идея культуры // Очерки по философии культуры. М., 2006.

переходности, оно также фактично и механично. Механичность заключается в обезличенности и безымянности такой границы. В данном случае граница не персонифицирована, это лишь геометрическая абстракция и условность, но условность соблюдения которой строго определено функциональными потребностями. Такая граница, во-первых, является идентификатором “своего”, но содержание “своего” она не несёт в себе, это лишь позиция наблюдателя, который всегда внутри какой-либо ограниченной плоскости, и вовне других плоскостей. Такое понимание границы создаёт саму возможность к коммуникации, в том числе и коммуникации в виде принятия ответственности за определенные области, регионы и сферы общества со стороны правительства; во-вторых, такая граница – это функционально детерминируемая мера, служащая и регулятором, и датчиком-показателем целостности системы. Здесь не присутствует компромис, потому что такая мера категорична, функционал либо соответствует запросам, либо нет, наблюдатель либо в одной очерченной плоскости, либо в другой. Строгая прагматичность, разворачивающаяся в сухой доктринальности, самодостаточна и самовоспроизводима. Но пунктуальная четкость раскладки такой меры не только служит мерилем движений необременённой творческой подвижности границы-перехода, она создает возможность перехода вообще. *«Путешественник – это человек, который осуществляет связанность социального мира. Он в некотором смысле есть воплощение глобальной социальности как таковой.»*¹²

Выработанная универсальность, в частности, дипломатической коммуникации, через свою строгость, создаёт возможность коммуникации вообще. Граница-мера – это граница-фильтр, которая выступает сортирующим входящие переходы барьером. Это своего рода регламентированная часть принципа реальности, её, в какой-то мере, правовая, опять же, выработанная составляющая. Например, упомянутый выше Китай, обеспечивший себе беспрецедентно полноценный и, в то же время, умеренный, контроль трансграничных потоков, является иллюстрацией прерогативы границы-меры в отношении государственных

¹² Пигров К.С. Социальная философия. Изд. СПб. 2005. С. 86

границ. Поддержание данного взгляд на границу жизненно-необходимо не только для традиционного суверенного государства, но и для мировой палитры идентификаций, богатства культур и цивилизационного разнообразия.

С ускорением межгосударственных контактов и их утончением, открываются и новые способы нерегламентированного контакта и воздействия, общая суть которых, в основном, остается верной классической формуле, где государство (в лице государя) всегда заботится о своем благополучии, любыми доступными на то средствами (а легитимизация – уже дело другое). Стоит заметить реформирование, через воздействие на информационные повестки (и не только такими деликатными путями), современного мыслительного конструкта суверенного государства. “Очернение” имиджа суверенного государства происходит через отсылки к его тоталитарным проявлениям и анти-общественности, на фоне, вроде бы, тотальной унификации, единения и солидарности, на основе заявлено универсальных, но, по факту, ангажированных принципов, культурных форм и содержаний, ценностей. Стоит отметить, что данная тема требует для себя, возможно, куда более объемного рассмотрения, чем тема всей работы в целом, но, однако, и не может быть опущена, поэтому будет произведено, скорее, индексирование и упоминание наиболее выделяющихся моментов, чем сомнительная попытка полного рассмотра и последующей его интеграции.

Глава II. Межгосударственные взаимодействия и их влияние на суверенитет

§1. Запад и Не-запад. Универсалистские тенденции и их влияние на государственный суверенитет

Обобщая, отмечается дуальность современной общечеловеческой цивилизации в формате “Запад – Не-запад”, что было отмечено и раскрыто в “Столкновении цивилизаций” С.Хантингтона, однако, выделяется общемировой тенденцией, например, также в формате *Восстания против Запада* среди многих современных геополитологов и политических аналитиков и мыслителей. Примечательно, что позиционирование совокупности стран, не относящихся к Западным, как цельной Не-западной армады, своими причинами и целями также относится к информационному влиянию Запада, ведь, по сути, эта совокупность не может быть оппозицией коалиции западных государств поскольку является лишь символической абстракцией, аполитическим определением по факту разрозненного и отнюдь не единого массива. Символизация является, кстати, неотъемлемым спутником процессов МО в конце XX и начале XXI веков. После распада СССР и всего социалистического лагеря, начала происходить централизация вокруг победившего в “Холодной войне” Запада, который соответственно должен бы был становиться идеологическим лидером, воздвигая государство внутреннего-лидера в разряд гегемонов. Однако, это не было реализовано в полной мере, даже в абстрактной информационной среде. США входили в XXI век, с расчетом на продолжение *Pax America*, с последующим переходом к открытому насаждению демократических режимов под логотипом “конца тирании в мире”, через реализацию накопленной военной мощи. Но экспансия Запада завершается его неприятием и отторжением, а универсалистские замашки Запада приводят к раздутой и, порой, безмерной неприязни к западным ценностям, которые больше нетождественны “свободному миру”.

Однако, через возможность точечных трансляций, западная цивилизация оказала весомое воздействие понятие государственности и

государственного суверенитета. Бытовавшее мнение о становлении универсальной цивилизации на основе культурной диффузии, с последующим объединением в общие верования, порядки, традиции, институты. Конечно, присутствуют общие и универсальные ценности, но они не представляют собой инновационного открытия. Универсальность “универсальной цивилизации” представляется *налётом* на разрозненное человечество. Несмотря на, кажется, повсеместность распространения западной модели потребления и поп-культуры, как о факторах, определяющих универсализацию мирового общества, о них говорить нельзя, даже с натяжкой. Взаимопроникновение культурных причуд происходило на протяжении всей истории человечества, а само по себе сведение западной культуры к такому содержанию пошло и грубо. Безусловно, «США, где процессы демократизации подвергаются тревожной деформации в телевизионную демократию»¹³, в некоторой мере, сами повинны в подобном их восприятии другими культурами, однако человек, кусая гамбургер, не выстраивает особых отношений с Западом, и уж тем более маловероятно, что от этого проникается его идеями. Индустрия развлечений это, благо, ещё культура.

И всё же *бремени белого человека* теперь служит оправданием экономической и культурной экспансии Запада. Безусловно, что именно Западная цивилизация стала инициатором, катализатором и проводником модернизации, но модернизация отделима от вестернизации. “*Не-запад видит западным то, что Запад видит универсальным*”¹⁴, да и сам концепт универсального представляет собой прозападный идеологический продукт, если говорить строго. Безусловно также и то, что закономерная демонстрация силы либерально-демократической идеи, развернувшаяся после окончания “Холодной войны”, вполне ожидаемо повлекла за собой повестку современности, но это, однако, не выводит с необходимостью никакой ограниченности или некомпетентности прочих, альтернативных, путей движения общества (а это: авторитаризм, национализм, корпоративизм, рыночный коммунизм), в том числе и не

¹³ *Пигров К.С.* Социальная философия. Изд. СПб. 2005. С. 28

¹⁴ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. Изд. М. С. 72

относящихся к миру светских концептов религиозных идеологий. Инъекции демократии, зачастую оставляющие после себя дырявое но, конечно же, расширенное “пространство свободы” (а, порой, и вообще раскрошенное решето) приводят к дискредитации демократии как адекватной категории, в принципе могущей быть более или менее универсальным способом организации государства в современном, пост-индустриальном мире. Разрушение, на первый взгляд, не столь необходимой всемирной общественной солидарности, незаметно приводит к фактическому отторжению интегративных мероприятий, что приводит к тому, что коллективная политическая интенция становится гипотетизированным симулякром, который пребывает разве что в умах теоретиков, а по факту, на местах, не наблюдается даже и намека на общность. Фактическим консолидатором индивидов является не теоретизированный управленческий концепт, пусть даже и с самостоятельной тысячелетней историей, пусть даже и оформленный по всем маркетинговым стандартам, с указанием на актуальность, а историческая память, реализующаяся через конкретные персоналии предков, через черно-белые фотографии пра-родственников, их генное наследие и наследование собственности. По сути, мы здесь приходим к понятию нации, как исторически, географически и культурно определенной общности судьбы массива индивидов, с общей исторической памятью. Либерализм же проигрывает по этим фундаментальным пунктам, именно в силу своей, казалось бы, самой сильной стороны – (у)равноправие индивидуальных субъектов деятельности, объединившихся по инициативе на основе составленного договора в государство. Такой индивидуализированный механизм, конечно, имеет место быть, однако его местопребывание не выходит за рамки личных интересов внутри сферы экономики.

Так, открывается взгляд на политическую глобализацию, как на, опять же, неоднозначное средство реализации интересов гегемона, одним из частных проявлений которого является принцип R2P. При этом и отрицать современную глобальную сверхчувствительность миросистемы к частным дестабилизациям отдельных государств было бы неверно.

Слабость государственности в одном регионе всегда сказывается на всей системе мировых отношений в целом, однако “слабость” не в смысле отсутствия геополитических притязаний, а в смысле деструктивной девиации государственности. *«Всякий взрыв общественных сил, вместо того, чтобы быть рассеянным в окружающей среде неизвестного пространство и варварского хаоса, будет отрезонирован самыми дальними частями света, и слабые элементы в политическом и экономическом организме мира рассыплются на куски»*¹⁵.

Увеличение межгосударственного взаимодействия, расширение его спектра; усиление трансграничных потоков; возможность глобального влияния – всё это, и многое другое, никак не свидетельствует о размывании границ или уступке со стороны государственного суверенитета, а напротив сигнализирует о том, что идентификация на современной мировой арене стоит одной из важнейших задач, с разными, в том числе и функциональными, задачами. Сам концепт границы служит важнейшим инструментом консолидации и самоопределения общества, через его самосознание, начинающееся ещё на личном уровне. Территориальность, как обособленность, даёт возможность к определению и обнаружению как себя, так и пограничного. Определение обуславливает знание, как основной составляющий и направляющий момент практической деятельности.

Справедливо и обратное. При процессе естественной, хотя бы и частичной, унификации (как следствия глобализации если и не политической, то, как минимум, информационной, экономической и, отчасти, культурной), понятия “аннексия” и “экспансия” замещаются рыночными понятиями “поглощение” и “слияние”. Территориальность, в таком случае, действительно растворяется, однако не на своём привычном политико-государственном поле, а в сфере капитала. Суверенитет и территории, таким образом, становятся разменной монетой в функционально определяемых политических движениях межгосударственного базара. Так, сохранение своих территорий не становится бессмысленной задачей, а становится функциональной

¹⁵ Parker W.H. Mackinder. Geography as an Aid to Statecraft // Oxford: Clarendon Press. 1982.

задачей обеспечения благосостояния государства. При том понимание контента государства, как капитала отнюдь не ново. На ум, наверняка, сразу же приходит известная сделка по продаже Северо-Американским Соединенным Штатам принадлежавших Российской империи территорий Аляски.

Здесь, кстати, открывается другое интересное наблюдение. Изначально разработкой территорий Аляски, когда они ещё находились во владении Российской империи, занимались частные лица, с последующим формированием монополии РАК (Русско-Американской компании). Примечательно то, что открытие и даже использование новых территорий и ресурсов может быть совершено вполне легитимно внесуверенитеными акторами (сюда же следует привлечь более актуальный пример с внегосударственной, частной космической программой Space-X, планомерно реализующей операции способствующие завоеванию космического пространства вне государственного контроля и казенных капиталов), однако освоение (в смысле присваивания), может быть совершено только легитимным полноправным участником международной деятельности, признаваемым всеми прочими участниками, коим, на данный момент, всё еще остаётся суверенное государство.

Глобализационная манипуляция суверенитетом есть лишь один из этапов мировой геополитической возни. Степень диктатичности воли гегемона находится в прямо пропорциональной зависимости от степени глобальной связанности и взаимозависимости в ядерную эпоху. В то же время, чем больше влияние гегемона в эпоху глобальной связанности, тем больше он заблуждается по поводу универсальности своих установок и ценностей, и наоборот; и также чем больше влияние гегемона, а соответственно и его заблуждение, тем меньше он считается с интересами не-гегемонных государств, что и приводит к спорности, постоянной нестабильности в МО. (Данный момент уже имеет ряд полноценных исследований, в частности, Г.Моргентау ввёл оригинальный принцип, относящийся к теории политического реализма, суть которого заключалась в недопущении отождествления ценностных принципов

одного государства с тем, что называется универсальными ценностями, таким образом, недопекая монополизации права на установку и диктат критериев моральных норм.) Подобные положения дел, на данный момент, представляются одними из главных инициаторов нестабильного и шаткого равновесия международных отношений, поводом пролонгированная анархической природы межгосударственного уровня.

§2. “Первобытность” международных отношений

Если же допускать, что превентивные, по отношению к угрозам главному действующему элементу международных отношений – суверенному государству, мероприятия имеют своей действительной целью устранение анархической природы межгосударственных отношений, то, можно сказать, что мы имеем возможность пронаблюдать некую первобытность полноценных глобальных отношений. Первобытность в буквальном понимании, “первый бытующий”. Эта первобытность неотделима от анархичности (в виде отсутствия верховного институционально установленного органа над государствами) международных отношений, которая одновременно является и основой природы МО, и их ведущей и основной движущей силой. Анархия, как уже было написано, в данном случае не равна отсутствию контроля или ограничений, чему также служат иллюстрацией и периодически устанавливающиеся мирные “затишья” в среде МО. Международная система взаимно (системно) сдержана. Эта общая сдержанность реализуется через проистекания в виде инициатив, воле (разного интенационального содержания и характера) изнутри отдельных государств, при том это проистекание всегда характеризуется, можно сказать, оно несёт в себе цивилизационную индивидуальность государства инициатора, иногда будучи оформлено в политический, культурный, идеологический продукт, но оно в то же время с необходимостью должно быть подчинено функциональным потребностям международной системы, а в случае нарушения этой необходимости – санкционируемо.

Безусловно стоит (и важно) отметить, что межгосударственные отношения не только сегодня приобрели свою весомую масштабность, но именно в последнее время происходит тотализация глобальных отношений, каждое государство находится в сети отношений со всеми прочими, без возможности обойтись абсолютной невыраженностью, умолчать, обойтись деликатным отсутствием изъяснения своей позиции. К слову, следует отметить, что упомянутая дипломатия, которая ещё не будучи полноценно оформленной, служила протоптанной дорожкой, верным набором по формированию межгосударственных отношений, универсальным, можно сказать, метаязыком, со включением под его контроль всех аспектов коммуникации, изначально была, подстать эпохе своей юности, исполнена как некоторой театральностью, которая несла и несёт функциональную важность, так и разумной долей лицемерия, что в какой-то мере очевидно, и о чём говорит то виденье или, вернее, стереотип, бытующий у лиц, не профессионалов. И эта традиция, при учёте вышеупомянутой глобальной “отношенческой” сети, порой доводит недопустимость “воздержаться от...” до жалкой формальности. Неважно, что сказано, но важно “было ли сказано?”, и “было сказано кем?”. Те же не нормированные нормы, этикет позиций распространяется как горизонтально, так и вертикально. Никакому политическому реципиенту нельзя промолчать на требующее ответа заявление даже от единичного гражданина (разумеется, при условии, что оно было услышано в достаточном масштабе). Это особенно явно демонстрируется при современных средствах коммуникации. *“Время для адекватной реакции у государства на требования гражданского общества сокращается”*¹⁶. К слову, возможно, разговоры о мировом правительстве неспроста представляются свойственными в особой мере именно нашей современности, ведь чтобы интегрировать разное, нужен повод, нужен реципиент репрезентации интегрированных в целое частных. Так не выступает ли в нашем случае упоминаемое “пресловутое мировое правительство” своего рода ответом на известные вызовы всему

¹⁶ Богданов В.В., Мкаренко А.С. Гражданское общество в постиндустриальную эпоху // Фундаментальные исследования. №12. 2014.

человечеству, проявившие свою актуальность в последнее время: экологические проблемы, международный терроризм и т.п.

И вот, когда, наконец, каждый уже знаком с каждым, и все, одновременно свободны, и одновременно заняты, по сути, одинаковой деятельностью (за редкими исключениями), мы, по крайней мере, теоретически наблюдаем ситуацию, обладающую потенциалом формирования “государства разума”, о котором писал Фихте. *“Нигде нельзя найти людей в таком состоянии”*, чтобы они и разумели правовые принципы государства, и при этом не находились уже в одном, сформированном *“не на основе понятий и искусственно, а благодаря случаю или проведению”*¹⁷ – замечал Иоганн Готлиб, но мы имеем то существенное отличие, что мы рассматриваем субъектов, имеющих понимание содержания отношений, которые однако ещё системно не оформлены; мы говорим не о людях внутри государства, а о государствах среди прочих государств. Опасение последствий чего-то вроде реконструкции имеющихся зачатков системы отношений (“реконструкции”, которая, скорее, подобна “деструкции” Ж.Деррида) уже оформленных в граждан людей со своим государством, на современном глобальном уровне не имеет своего главного основания – можно сказать, что нечего разрушать. То, что мы называем системой международных отношений, подобно системе межличностных отношений Левиафанов Т.Гоббса (которые, однако, если и не сливающихся в один супер-организм, на унифицирующих основаниях, то уж точно не противящихся частичному к группированию), по сути, не в полной мере системно.

¹⁷ Фихте И.Г. Сочинения двух томах. II т. СПб. 1993. С. 225

Глава III. Политические отношения равных суверенов

§1. Деклассификация. Консенсус. Полицейство

Важно не упускать из виду упомянутое традиционное равенство суверенитетов, которое и есть именно то *“равенство, которое состоит не столько в унификации, сколько в деклассификации”*¹⁸. Это претендующее на справедливость равенство реализуется по принципу *«равенство важнее свободы»*¹⁹. Само по себе творение форматов равенства, их регулярное актуализирование и проведение под повестку, можно обозначить как источник жизни политики. Перманентная, с перерывами то на острую актуальность, то на глухое затишье, потребность в переустройстве, очевидно, берет свои причины от множественности и разнообразия. В перерывах между политическим – устранением недовольства, производится поддержание однажды установленного порядка, распределения свободы и равенства, баланса сил – поддержание установленного консенсуса.

Судя по рассуждениям Ж.Рансьера, проходящий красной линией сквозь сегодняшний политический дискурс консенсус, здесь, однако, не сводится ни к банальному взаимовыгодному балансу для оппозиции и правящей партии, ни даже к вообще принципу современного управления или разрешения конфликтов. *“Консенсус подразумевает много большее: он, собственно, обозначает способ символической структуризации сообщества, который удаляет то, что составляет самую сердцевину политики, а именно диссенсус”*²⁰. Диссенсусу есть, где возникнуть. Обреченное на регулярное и спорное разделение и без того спорящее общество, претерпевает из-за своего же спорного содержания деление самого себя то по одним, то по другим критериям или принципам, что с необходимостью приводит к увеличению полемичности внутри него.

¹⁸ Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб. 2007. С. 46

¹⁹ Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. М. С. 41

²⁰ Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб. 2007. С. 73

Полемизация в какой-то мере единого общества (отчасти в облике демократии), предстаёт своего рода контролируемым хаосом, допущением в пользу (или в угоду) сохранения принципиальной целостности этого единого, воплощенного из разного. Многоэлементная общность известная своими *“перебоями и переменчивостью”*²¹ не может избежать этих внутренних колебаний именно в силу того, что основа этих колебаний есть и основа самой возможности разности, а значит и возможности движения, совершения перехода, преодоления прежней границы. Спорная многоэлементность же явит себя через *«доли обездоленных, причастности непрichастных, этого ничто каковое является всем, сообщество и существует как – то есть разделенное фундаментальным спором»*²², спором, который обязывает определять себя апофатически – сделаться либо ничем, либо всем, всем в формате сведения всей групповой целокупности недовольства к точке выраженного несогласия. Скользящее по граням частей таких сложных общностей несогласие отличается своей закоренелостью и естественностью внедренности. Этимологически восходящее словно к вавилонскому разделению *“не-со-гласие”* представляет собой вообще источник движения, изменчивости и жизни общества, его конфликтность обеспечивает столкновения; непонимание словно встроено в механизм жизнедеятельности общества, оно не случайно, оно не вызвано по чей-то вине или сознательно, оно проложено дуальностью общественной сферы: изворотливое слово и математизированная логика *логоса*; эмоциональное и рациональное; тождество и репрезентация; избиратель и частное лицо; личность и общество... Несогласие находится именно тут – между. Диссенсус стремится к индивидуализации, не смущаясь выстраивания спорных дополнительных символических форм, плодя сущности, он направлен в другую сторону от объединения. Государство, таким образом, выступая единицей в макрокосме разрозненных, но системных, мировых отношений, содержит внутри свой собственный разрозненный микрокосм, и вот уже вся эта система представляется обозримой частью

²¹ Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб. 2007. С. 75

²² Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. 2013. С. 17

некоторого гипотетически необъятного сквозного фрактала, на всех уровнях которого достигнутое абсолютное благо политического действия уже не требует изменений, лишь поддержания, полицейства.

Позиция национального государства

Однако, чтобы избежать очередного употребления на данный момент безмерно гипотетического понятия “мирового правительства”, снова обратимся хотя и к более абстрактному и менее функциональному, но более, как ни странно, реальному понятию общечеловеческой цивилизации. Общечеловеческая цивилизация, состоящая из совокупности крупных, но всё же локальных цивилизаций, собранных по культурному и/или географическому характеру, продолжает фракталогичную вертикаль, выступая её доступной крайней верхней точкой, однако по лишь одной из направленностей рассмотрения. Данные геометрические отсылки продолжатся также в том выражении, что пересечение “линий” этих “направленностей рассмотрения” происходит где-то на уровне национального государства, понятие и определение которого столь же абстрактно и лишь теоретически возможно, как и понятие общечеловеческой цивилизации, цивилизации вообще.

Трудно отрицать, что по некоторым направлениям, функционал национального государства, как видится, теряет свою актуальность в контексте проектируемой идентификации глобального общества, где последнее всё больше приобретает черты, опять же, общества цивилизаций С.Хантингтона. Те, обозначенные автором как “незападные” государства, очнулись от дурманяще выгодной и плавной экспансии вестернизации, идущей рука об руку с функционально необходимой модернизацией, и иллюзия спасительного консенсуса демократии по западному образцу, поставляемой конвейером в виде классической “идеи в упаковке”, развеялась. Исполненный миролюбивости мир после “Холодной войны”, был, на самом деле, исполнен призрачным эфиром эйфории, но никак не миролюбивостью. “В сознании американской элиты победа над коммунизмом перешла в победу

над СССР, а потом и в победу над РФ”²³ однако свобода пришедшая за этой победой, победой “свободного мира” поощряющего “свободные общества на каждом континенте”, была, по сути, не свободой для, а свободой от. Борьба за “свободу” от успешно созданного образа “агрессивно-красного” коммунизма не несла в себе чего-то кроме своей, возможно, вынужденной, но безосновательной оппозиционности, масс-культурной составляющей и ряда прикладных моментов. Ну, никак не идеология.

§2. Политика как устранение политического в виде ухода от идеологичности политического дискурса

Такая утилитарность политического дискурса показательна. К слову, в том же направлении показательно и положение социогуманитарных наук, особенно в современной России. Данная тема, на первый взгляд, не может непосредственно относиться к нашей, однако в статье “Роль социальной науки и социальной философии в современном российском обществе” В.Г.Федотовой прекрасно иллюстрируется, что считать так – заблуждение. Бытовавшее среди экспертов мнение о том, что современные российские партии намеренно отошли от глубоких идеологий, прийдя к утилитарным лозунгам, с конкретной целевой аудиторией, не одиноко, хотя и в большей мере, чем прочие соответствует как, что называется, духу времени, так и общемировой тенденциозности микротаргетинга. “Хотя некоторые из экспертов задавались вопросом, что же тогда делает партию политической партией, возоблагодало мнение, что именно разрыв с классическими политическими идеологиями – либерализмом, консерватизмом и социализмом – составляет суть момента, который в значительной мере является привлекательным для населения”²⁴.

²³ Батюк В.И. Мировая политика. Учебник для академического бакалавриата. М. изд. Юрайт. 2016. С. 87

²⁴ Федотова В.Г. Роль социальной науки и социальной философии в современном российском обществе // Вести Волгоградского Государственного Университета. №2 (14) Сер. 7. 2011.

У современного общества не ностальгия, а разочарование в идеологиях, в особой мере у российского. Глубина диссенсуса между идеологически основанными государствами не допускала компромиссов, конфликт был слишком принципиален, он лежал в самом корне государств, государства сохраняли свою тождественность на доктринальных основаниях, на идеях которые, однако, были одними из многих. Постулированная и терминологически определенная самоидентичность народа таким образом до той поры могла сохранять свою целостность и возможность быть представленной как нечто единое, пока сохраняет свою актуальность идея, с крахом которой, приходил и конец данному государству. Сегодня мы видим другое. Субъекты политики функциональны, а не идейны, или хотя бы идейны не доктринально, и “не в том смысле”. Сегодня *«политика перестала быть тайным путешествием к островам утопии, отныне она отождествлялась с искусством вести судно и плыть по волнам»*²⁵. Политическое уже почти не ведёт, а лишь содержит в пути, умиротворяя идущих. Утилитарные лозунги в ответ на утилитарные запросы – не лучшая ли демонстрация того самого *самовычитания и подавления политического?*

Программы вместо идей. Положение современного государственного политического символизма

Помнится, еще в начале 10-х годов нашего века, главное повесткой дня в России стоял поиск так называемой “Национальной идеи”, о результатах которого судить сложно, но однако и не стоит нашей задачей. Важно заметить, что поиск идеи в де-юре юном государстве был подменен категориями апатичного буднично-повседневного сознания. Отсутствие ясных целей и принципов программ было, по сути, частью политического продукта, выдаваемого тому, кому нужно, тому, на кого он нацелен, кто его-то только и мог бы воспринять и “переварить”. В условиях *пост-аномии* несложно было оказаться в числе последних, с их

²⁵ Рансьер Ж. На краю политического / Пер. с франц. Б. М.Скуратова. — М.: Практис, 2006.

конкретными непосредственными и каждодневно актуальными нуждами и проблемами, которые тоже нужно решать, нужно решать сегодня, а не снова ожидать того дня или часа, когда идеологический макро-колосс распространит свою мощь решений на крохотный, но регулярно актуальный, не утихающий в своём зове, микро-уровень повседневности. Что, с одной стороны, вроде бы, путь к консенсусу, но с другой – такой же беспредельный и всепроникающий популизм, как и вестернизированная “свобода”, упомянутая выше.

Примечательно также и то, что вопрос о глобальной интеграции (в мировое политическое сообщество) идейной единицы, будь то, например, политическая партия, в условиях отсутствия этой самой идейной принадлежности снимается в силу того, что наиболее высокий приоритет в системе международных отношений именно у функциональной оценки друг друга, однако с некими оговорками. Ведь несмотря на провозглашенный принцип “прагматического партнерства”, например, Соединенные Штаты не допускают возможности полноценного стратегического сотрудничества без разделения общей системы ценностей, и данный пример не является частным случаем. То признание деклассифицированного равенства, как основы плюралистического мира, не приводит к подмыванию государственности как раз из-за его функциональных моментов. Отрицается не государственность, она-то как раз подчеркивается, отрицается лишь то, что прежде представлялось отношениям метрополия-колония, что такое более недопустимо.

Безусловно, *«флаги имеют значение»²⁶*, однако государственный символизм, по крайней мере на межгосударственном уровне, сведен до уровня отличительных знаков, атрибутики, культурная идентификация происходит на совершенно другой диагонали, в другой плоскости. Отсортированная от модернизации вестернизация была обращена против себя, и была вынуждена признать своё поражение. Пост-колониальные поколения, отпрыски образованных в метрополии граждан колоний, получали образование уже на своей родине, они получали функционально те же знания, но культурно уже пропитанные локальным колоритом. Так

²⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Изд. М. С. 72

прежде маркированный фирменный функционал, с уже оторванной этикеткой – информацией о производителе, раздавался на локальных просторах, под видом отечественного продукта. Новые поколения вступали в уже модернизированную локальность, и, вступая, они выходили за грань западнцентристской системы международных отношений, попутно выводя Запад из заблуждения об универсальности и обязательности его природы и ценностей.

Прежде противостояние между цивилизациями основывалось на идейных различиях и производимых ими конфликтах, теперь же государства на функционально-практическом уровне, на уровне (полит)технологическом, слились воедино, конфронтация же возникает по другим “фронтам”. Что особенно заметно при обращении внимания на *“восстание против запада”*, где восстающие, как уже было написано, не гнушались проявлять преемственность по отношению к инструментарию, технологиям, функциональности, но оказали сопротивление ценностным и культурным внедрениям, уподобляя себя организму, который принял те инородные тела, что способствовали его развитию как самотождественной единицы, но отверг те, что изменяли его сущность, корень его интенциональности, самоидентификации и общественного самосознания. Такой организм может быть многосоставным, включая в себя не одно государство. Наиболее общее определение подобных единиц (цивилизаций), как уже было употреблено в данной работе, некогда было сведено, соответственно духу времени, к *Западным* и *Не-западным* группам государств, Центра и Периферии. *«Центристское правительство остаётся утопией нашей реалистической политики»*²⁷.

Цивилизация как основание политической репрезентации и решающий фактор интеграции и отождествления.

Межкультурная адаптивность и цивилизационная общность соединяют сильнее и более плотно и прочно, чем международные нормы, вернее, они-то эти нормы и направляют, что было более явно заметно при

²⁷ Рансьер Ж. На краю политического / Пер. с франц. Б. М.Скуратова. — М.: Праксис, 2006.

Вестфальской системе, однако и в равном анархичном мировом сообществе сохраняет свою роль, государство считается со своей причастностью к той или иной культурной общности, хотя цивилизации и не способны к санкционированию девиантного поведения своего представителя, прочие, так скажем, участники общности, государства, способны к оперированию на правовом и силовом уровне. Просто говоря, представитель группы, которая, по сути, условная абстракция, выступая её членом и носителем соответствующих ценностей, способен оказывать непосредственное воздействие на вторженца или нарушителя. Общность на цивилизационном уровне – самая общая общность, самое верхнее и общее “мы”; такая общность, не могущая быть регламентированной де-юре, не различает типы политических образований внутри себя, с необходимостью не выставляет требований по критериям, которые никак не причастны к её цивилизационной сути. По сути, цивилизационный компонент государств представляя некую культурную составляющую (зачастую в большей мере сведенную к религиозной, как, например, и выделял С. Хантингтон), является своего рода если не эмоциональной, то, как минимум, чем-то отличным, технологической противоположностью, по отношению к безразличной к идентификации (идентификации в формате индивидуализации той рационализированной функциональности), распространение которой началось ещё с Вестфальской системы, как системы, которая впервые отошла от именного формата межгосударственных отношений, отношений словно межличностных, определяемых по факторам, как цивилизационной принадлежности, так и конкретными, буквально межличностными, взаимоотношениями между правителями-держателями власти.

§3. Функциональное в современном государстве

Несомненно то, что государство и сейчас остаётся владением, в почти классическом понимании властвования, в смысле возможности одного субъекта воздействовать на другого субъекта, по средствам установленного, самовоспроизводящего и легитимированного аппарата управления. Где именно искусство управления составляет ключевой

отличительный компонент политического властвования, который выделяет его в более общем понятии власти вообще. Например, ещё римлянами это понятие, понятие политической власти, было строго отделено от других смежных, среди которых, например, насилие, полномочия, принуждение и т.п. Искусство управления к нашему времени в большей части отошло от статуса, скажем, врожденной способности, приобретая всё более меритократические и, в какой-то мере, технократические черты. Современную традицию формата государственного владения можно выделить, проведя параллель с высказыванием Р.Р. Палмера: *“войны между королями завершились, начались войны между народами”* – от 1793 г. Так, владение государством, как и производные от этого владения межгосударственные конфликты, уже давно отошло от дела рук одного правителя, что хотя и не равномерно для всего мира, как и не равномерно в соотношении символического, функционального и/или фактического. В некоторой мере речь идёт о демократии, которая по своей природе, если несколько упростить (или, вернее, сузить), есть механизм делегирования; механизм зиждущейся на источнике власти, что есть народ, и для его же нужд организованный и поддерживаемый; механизм передачи из рук владельца в руки управленца, передачи вожжей власти на “outsourcing”. Доля значимости и уместности рациональности в оперировании и принятии решений значительно более велика в технической и функциональной части сферы управления, именно в сторону для управления массой, народом (которые, к слову, напротив являются движимы и детерминированы в большей мере эмоциональным компонентом социальной реальности). Эта рациональность есть рациональность операционного характера, рациональность которая близка к технологичной выверенности, к системности, механичности и аппаратности, рассчитанная и проверенная временем система, одна из частных частей которой, например, – уже упомянутая выше система дипломатической межгосударственной коммуникации. Такой аппаратности не противоречит использование моментов социальной реальности, которые не присущи ей самой по себе. Как например при

формировании образа активированного политического субъекта у политического реципиента, например, у народа при демократических выборах. В такой ситуации, избираемый ответственный оператор делегированной власти, по сути, не имеет другой адекватной опции, кроме как разговора на привычном для избирателя языке, на языке повседневных утилитарных нужд. Спрос порождает предложение, а за удовлетворенным данным предложением спросом закономерно и без промедлений следует консенсус.

Функционалист и оператор, он же – обученный специалист, он тоже человек. Так скажем, в частной жизни над таким специалистом также, как и над любым другим человеком, будь он обыватель или же личность с исключительной пассионарной мощностью, в принятии решений преобладают эмоции над рассудком, зачастую решений совершенно разных масштабов и значимостей. Никакая управленческая система не застрахована и не защищена от проникновения в неё человечности управленца, в виде этой эмоциональности. Отчасти поэтому и возможен феномен культа личности даже в демократических странах, отчасти поэтому-то мы до сих пор продолжаем делить современную историю на привычный лад, при котором главы школьного учебника современной истории разделены соответственно “годам правления”. Даже и будучи, что называется, “винтиком” в “механизме”, человек сохраняет свою человеческую эмоциональность, даже к самым механичным и “рабочим” моментам. Даже самое механичное действия не может быть полностью и исчерпывающе осознано и обосновано рационально. Однако, очеловечивание политического не приближает его к гражданам, а лишь создаёт такую иллюзию, пока само политическое увеличивает *промежуток* у своего края. Безусловно, социальная реальность слишком сложна для абсолютной рационализации её движений, однако её движения всё же всегда остаются в рамках определенной политическим *границы-меры*, а если социальное не может быть умиротворено политическим, то меняется политическое, а соответственно и параметры это *меры*. Аполитичность индивидов отражается в «*прерывистых очагах*

наслаждений и удовольствий»²⁸, даже становясь избирателем *демос* может не оседлать своей турбулентности и прерывистости, так и не реализовав своего саморепрезентативного потенциала. *Демос* эмоционален. Поэтому возможна нормативность вообще, в том числе и в сфере политического и социального, в которых нормативность конкретно проявляется в виде суда, закона, исправительных учреждений (в том числе и международного суда). Международные нормы также всё больше приобретают характер воспитательных механизмов, отходя от карательной системы наказаний, двигаясь всё больше в сторону системы исправительного, воспитательного санкционирования, что выступает ещё одним свидетельством регулярного реформирования современной политикой, в том числе международной, своего собственного пространства.

Разделение политической теории и философии политики как функционального и теоретического

Реконфигурация доходит до корней. Упомянутый уход от идеологичности, от привычной терминологии и политической традиции (например, в разделении на левых и правых), приводит в частном случае к технократичности и функциональной обезличенности, а в более общем плане к, скажем, так называемому постполитическому периоду. Дихотомичное совмещение формируемой лично-повседневной призмы, через которую воздвигается узнаваемый “очеловеченный” образ субъекта политики, с прагматично “сухими” алгоритмами, которые, по сути, “дело техники”, есть то, что отвечает спросу современного политического рынка, где первое есть запрашиваемый, адекватный современному рынку, продукт, второе – современный способ производства. Антиполитично порой обозначаемая современность, в которой происходит уход от политического или даже борьба с ним, совсем не теряет долю политического в себе. Подобно закону сохранения энергии, политическое адаптируется, осваивает новые методологии, оформляется в различные

²⁸ *Рансьер Ж.* На краю политического / Пер. с франц. Б. М.Скуратова. — М.: Праксис, 2006.

концепты, игнорируя необходимость принципиальной привязки. «*Тот хороший политический режим, что согласуется с хорошим режимом аполитичного удовлетворения граждан*»²⁹.

Явление обозначаемое как постполитика, присуще лишь сфере теоретического осмысления производимой соответствующими специалистами деятельности, о чём также несколько косвенно, но не менее характерно, говорит существенная приставка, по которой можно сразу определить тот временной и теоретический пласт мыслительной истории, к которому она принадлежит. Для этого пласта, периода, периода постмодерна, всё “пост-“, всё “анти-“. Однако такая приставка не осталась индивидуальной особенностью эпохи, а, скорее, послужила открытием некоторого шаблона, а не обозначением частного случая. Ведь мы видим, что называемый постполитикой этап ничуть не менее политичен, как и не аполитичен как-то принципиально иначе, чем предыдущие, он лишь представляется в ожидаемо ином, адекватном наличному положению дел, формате. То есть мы имеем ту же ситуацию, где, хотим мы того или нет, после пост-модерна последует необходимость формулирования нового концепта, то есть, говоря теоретически несколько грубо, но от того более иллюстративно, – пост-пост-модерна. И дабы не загонять себя в изначально очевидный теоретический тупик “пост-“ выделяется в самостоятельную терминологическую единицу, подобно тому, как собственное имя-название спутника Земли – Луна, оформилось в нарицательную формулировку, общее название для лун. Итак, мы имеем демаркацию полей философии политики (*Episteme*) и политической теории (*Praxis*), как по-настоящему современной науки. Постепенно происходившая сепарация однако не сумела перевести политическую теорию в естественнонаучное лоно. Начавшаяся с переключения зоны внимания с политического бытия человека на политический порядок, с последующей утратой практической составляющей, переходом, соответственно к современной сциентической парадигме, к почти полноценной научности, со всей причитающейся упорядоченностью и

²⁹ Рансьер Ж. На краю политического / Пер. с франц. Б. М.Скуратова. — М.: Практис, 2006.

презентативностью знания, однако не в полной мере. Не полностью меры, возможно, может быть обусловлена необходимой завязанностью политической теории на традиционно принципиальных моментах политической философии, постулатотивно необходимых для скроенности и крепости внутреннего содержания политической теории. Политнаука не автономна, по крайней мере на данном этапе, это, вероятно, ещё не совсем отпочковавшееся прикладное ответвление классической политической философии. Регулятивными принципами всё ещё выступают понятия *справедливости* и *общественного блага*. Такая совместная принципиальность обеспечивает, или, как минимум, должна обеспечивать “методологическое равновесие”. К. Байме писал:”... не надо выбрасывать за борт достижения современных теорий, методов и техник исследования ради идеологизированной политической теории, но также нельзя не замечать вклад идеологий и философий в формирование гипотез, в целопологание при применении научных результатов в практиках, которым угрожает технократизм”³⁰. Несмотря на непрерывный поиск новых магистральных путей социально-философского рассмотрения политического, неотъемлемой частью современности является дегуманизация научной сферы, в частности и её политической части, как прикладной, так и теоретической составляющей. Таким образом политическая наука не выделяется в качестве автономной сферы социо-гуманитарного знания, а в, некоторой мере пренебрежительно, отграничивается как и от политической философии, так и от естественно-научной среды. По сути, поднимается проблема оскудения и упрощения политической реальности, упоминания которой прослеживается у ряда деятелей и мыслителей политического направления.

§4. Автономное политическое

Одним из аполегетов политического, как автономной части как прикладной реальности, так и научной сферы, является К.Шмитт, который, в частности, не представлял адекватным допущение потакания

³⁰ Шевчук Д.М. Философское понимание политики и современная пост-политическая ситуация // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. №2 (26). 2014

либерализму в его попытке напрочь упростить политическую реальность, “свести всё к экономике и развлечениям”³¹. Чистая политика, ролевое значение которой, по идее, должно бы выводить её если и не над прочими, уже автономными, обособленными сферами (экономика, культура, этика и пр.), то, как минимум, ставить их в один, порой, натянуто равнозначный, ряд. *“Бытийственная объективность и самостоятельность политического”*³² расчленена и сокрыта одновременно. Она словно разбросана, или, вернее, распрытана, по сферам культурного, социального, личного и др. Анонимные микро-механизмы политического, оставаясь в публичном пространстве, не обнаруживают себя непосредственно именно потому, что скрывать себя – одна из их принципиальных функций. Само политическое не требует своего признания, выделения и подсвечивания. Ключевым является потенциальная возможность вообще и частая фактическая наличность присутствия “именно чужого” во всех сферах, что называется, “жизни общества”. Сквозное присутствие проявляет себя через адекватные конъюнктурные формы, оно не нарушает последовательности и не контрастирует с контекстом. То есть политическое представляет собой, в какой-то мере, способ отношений или – что понятийно более узко – способ или даже мера коммуникации. Диссенсус возникает между; в предстоянии, как минимум, двух друг перед другом. Диссенсус реализуется опосредованно, раскрываясь через медиумы-выразители. Экспортированная механичность политического, как форма отношений, поставленная на *outsource*, повсеместно растекаясь, с необходимостью не требует себе автономной сферы; известны совершенно обособленные чисто прикладные, методолгические сферы знания, которые, однако, жестко демаркированы, их присутствие вовне их собственной сферы может быть легитимным разве что в метафорическом качестве. Однако же именно чистая политика, постоянно поддающаяся вторжениям со стороны внешней и, опять же, чужой, по отношению к ней, нормативности,

³¹ *Дмитриев Т.А.* Спор об основах политического. Лео Штраус versus Карл Шмитт // Социологическое обозрение. Т. 11. №3. 2012

³² Там же

функционально способна к вливанию и внедрению себя вовне, в те самые автономные сферы (например, достигая своего апогея откровенной очевидности и неизбежности в тоталитарных государствах).

Политическое как нечто языковое

Диссенсус же реализуется опосредованно, раскрываясь через медиумы-выразители; привнесение консенсуса жестокоподобно, показательно и скандально; консенсус декларативен; консенсус – проявление верховности и главенства власти, напоминание о том, на чём зиждется порядок. Это иллюстрируется через полицейскую инициативу гегемона, который то “жандарм Европы”, то источник “свободного мира”. Диссенсус, в какой-то мере, – производная языка. Власть представляется более принципиальной формой коммуникации, чем язык – доязыковым, неоформленным выходом коммуникационных позывов; язык спорен и дуален (даже многогранен), он представляется надстройкой над фундаментальным примитивом, чьим проявлениям он служит, изящно оформляет их, давая возможность жить изощренности, творчеству, значению. Язык рафинирует базовые позывы коммуникации выступая их легитимной и легальной оформленностью, словно выступая производным инструментом от принципа реальности. Языковая плюралистичность путей выражения приводит изначальную примитивность коммуникационного позыва к лёгкому языковому творчеству. Языковое выражение всегда творческое по природе, то есть, всегда та самая “общественно приемлемая” сублимация, базовый, внедренный на личном уровне регуляционный механизм, который от этого, однако, не менее спорен, возможно, по причине индивидуальной, личной обоснованности и привязанности. *Индивидуальное суждение*³³, точнее, его выражение, способно породить как согласованность, так и несогласие. Да, политическое и политическая деятельность возможна потому, что совокупность индивидуальных суждений, выразившись, может создать, войти в согласие, что является необходимым, но недостаточным фактором

³³ Слово “суждение” употребляется в том значении, в каком его ввела и употребляла Х.Арендт

существования политического; гораздо существеннее видится та сторона индивидуальной выразимости, интерпретации, которая даёт возможность возникновению и существованию несогласия – скажем так, разночтение побуждает к работе с текстом, а не его однозначность. К слову, при данном взгляде и обнаруживается производность диссенсуса от идентификации, как и его неочевидное отношение к культурной дефиниции и цивилизационным различиям. Способность к *переходу*, различению, оценке, интерпретации, служит причиной возможности диссенсуса. Опять же, несколько огрубляя, можно проиллюстрировать эти отношения так, что несогласие служит причиной проявления политического, тогда как возможность (именно возможность, обозримая в перспективе) согласия служит, вроде, цели проявления политического. Политическое рождается тогда, когда одни объединяются против других, когда из обделенной массы выделяется репрезентирующая единица, которая на основе неправоты в своей адрес, и обретает этот единый адрес, наименование (плебеи, пролетариат, меньшинства). Политическое потому и завязано на *логосе*, что оно есть *выражение* общего принципиального несогласия совокупности индивидуальных суждений, при том меня в сфере общественности. Политическое при своем присутствии всегда присутствует актуально, она всегда к месту и ко времени потому, что *«невозможно репрезентировать нечто мертвое, нечто неполноценное, бесполезное или нечто низкое»*³⁴. А политическое единство потому *«репрезентируется как целое»*³⁵, что это целое, опять же, есть то самое отождествление по принципу *«быть либо ничем, либо всем»*³⁶.

³⁴ Шмитт К. Государство и политическая форма. Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2010

³⁵ Там же

³⁶ Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. 2013. С. 31

Заключение

Сегодня “на одном языке” говорят не только европейские страны, а вся микросистема является равнозначной с равномерно распределенной плотностью межгосударственных контактов. Суверенитет государства получает в свою сторону всё больше вызовов и вопросов касательно его репрезентационной способности. Деклассифицированная мирополитическая структура после всеобщей модернизации унифицируется по части функциональных моментов, что особенно остро ставит вопрос касательно сохранения идентичности. Ответом на этот вопрос приходится традиция, религия и историческая память, которые в условиях проектности идентификации становятся верным ориентиром и надежной опорой. Выводится фактическая стойкость современного суверенного государства по отношению к культуре глобализма, ценностной экспансии и прочим современным вызовам.

Упрощение и “оскудение” политической сферы заключается в “рыночности” современного политического, которое лишь отвечает на имеющийся спрос, а политическая деятельность становится всё более открытой к преимуществом заимствованиям из сферы бизнеса и маркетинговых технологий, что опять же свидетельствует о функциональной адаптивности политического. Принцип слияний и поглощений (M&A), немногим раньше возникший в бизнесе, также сформировался и в государственно-административной среде. Аналогичность политики и бизнеса, разумеется, не ограничивается лишь этим моментом. Публичная политика, вернее её технологическая (полит-технологическая) часть уже некоторое время, среди профессионалов, превратилась в “политический маркетинг”.

Если и присутствует некоторая децентрализация функциональной части государственно-операционных полномочий, то это осуществляется именно с целью увеличения KPI и ROI, по принципу *outsourcing*.

Так, открываются перспективы данной тематики, которые ширятся от анализа феномена исторической памяти в контексте возможности инициативно-определяемой идентификации, анализа положения наёмного

специалиста госслужбы внутри государственного аппарата и его полномочий к репрезентации и ответственности, до углубления в анализ соотношения цивилизационной привязанности и функциональных процессов на межгосударственном уровне.

Список литературы

1. *Бадью А.* Загадочное отношение философии и политики. М.
2. *Батюк В.И.* Мировая политика. Учебник для академического бакалавриата. М. изд. Юрайт. 2016.
3. *Богданов В.В., Мкаренко А.С.* Гражданское общество в постиндустриальную эпоху. Фундаментальные исследования. №12. 2014.
4. *Гессен В.М.* Общее учение о государстве. СПб., 1912.
5. *Дмитриев Т.А.* Спор об основах политического. Лео Штраус versus Карл Шмитт. Социологическое обозрение. Т. 11. №3. 2012
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21.
7. *Медведев Д.А.* Выступление на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность». 14 сентября 2009. Ярославль. *Президент России. Выступления и стенограммы.* Интернет-ресурс: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5469>
8. *Межуев В.М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2006.
9. *Нересянца В.А.* История политических и правовых учений. 2-ое изд. М. Проспект. 2004.
10. *Пигров К.С.* Социальная философия. Изд. СПб. 2005.
11. *Рансьер Ж.* На краю политического / Пер. с франц. Б. М.Скуратова. — М.: Праксис, 2006.
12. *Рансьер Ж.* Несогласие: Политика и философия. 2013.
13. *Рансьер Ж.* Разделяя чувственное. СПб. 2007.
14. *Рормозер Г.* 1996. Кризис либерализма / пер. с нем. М.: ИФ РАН. Интернет-ресурс: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/gormoz.html>
15. *Тынянова О.Н.* Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации. Век глобализации. 2010.
16. *Федотова В.Г.* Роль социальной науки и социальной философии в современном российском обществе. Вести Волгоградского Государственного Университета. №2 (14) Сер. 7. 2011
17. *Фихте И.Г.* Сочинения двух томах. II т. СПб. 1993.
18. *Фурсов А.И.* Корпорация-Государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь». Интернет-ресурс. <http://www.intelros.ru/index.php?newsid-124>
19. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. Изд. М.

20. *Шевчук Д.М.* Философское понимание политики и современная пост-политическая ситуация. Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. №2 (26). 2014
21. *Шмитт К.* Государство и политическая форма. Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2010
22. *Ясперс К.* Всемирная история философии. Введение. СПб., 2000.
23. *European Social Survey* (Европейское социальное исследование). 2004.
24. *Parker W.H. Mackinder.* Geography as an Aid to Statecraft. Oxford: Clarendon Press. 1982
25. *World Values Survey* (Мировое исследование ценностей). 2005.